

Джуд Деверо

Наследница

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
Д25

Серия «Шедевры Джуд Деверо»

Jude Deveraux

THE HEIRESS

Перевод с английского *М. Л. Павлычевой*

Компьютерный дизайн *Г. В. Смирновой*

Печатается с разрешения издательства Pocket Books,
a division of Simon & Schuster Inc.
и литературного агентства Andrew Nurnberg.

Деверо, Джуд.

Д25 Наследница : [роман] / Джуд Деверо ; [пер. с англ. М. Л. Павлычевой]. — Москва : Издательство АСТ, 2015. — 352 с. — (Шедевры Джуд Деверо).

ISBN 978-5-17-091387-9

Находясь на грани разорения, Джеймс Монтгомери согласился сопровождать юную леди Мейденхолл к ее жениху, втайне надеясь соблазнить в пути наследницу огромного состояния и, вступив с ней в брак, поправить свои финансовые дела.

Однако в его расчеты неожиданно вмешивается любовь — неодолимая страсть к прекрасной Экси, единственное богатство которой — добрая душа...

Как же быть с наследницей? Забыть о ней и прислушаться к голосу сердца?

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Deveraux, Inc, 2012
© Перевод. М.Л. Павлычева, 2006
© Издание на русском языке AST Publishers, 2015

ISBN 978-5-17-091387-9

Глава 1

Англия, 1572 год

— Наследница Мейденхолла?

Едва сдерживая возбуждение, Джоби переводила взгляд со своей старшей сестры Беренгарии на сидевшего рядом с ней брата Джейми и обратно. Красота этой пары уже не ослепляла ее так, как в детстве. Обычно отец поднимал ее высоко над головой и принимался уверять, что со временем она станет такой же красавицей, как ее сестра Беренгария.

Но он обманывал ее. Причем не только в этом, но и во многом другом, как потом оказалось. Он обманывал ее, когда говорил, что у них всегда будет достаточно еды, что в их доме всегда будет тепло и уютно. Он обманул, когда поклялся, что ее мать скоро прекратит беседовать со своими духами.

Но самая его страшная ложь заключалась в том, что он будет жить вечно.

Джоби потрянула темными кудряшками и устремила горящий взор на брата. Она была острижена почти наголо после того, как победила нескольких мальчишек в поединках на мечях и те в отместку вымазали ей голову медом и смолой. Теперь, когда волосы немного отросли и спускались блестящими локонами до плеч,

Джоби обнаружила, что в ее внешности есть по крайней мере одна красивая черта.

— Наследница Мейденхолла, — повторила она. — О, Джейми, только представь эту кучу денег. Как ты думаешь, ее ванна из золота? А спать она ложится в изумрудах?

— Ей только и остается, что ложиться спать в изумрудах, — еле слышно заметил Рис, дружинник Джейми. — Отец стережет ее так же тщательно, как и свое золото.

Рис что-то проворчал, когда Томас, единственный вассал Джейми, пихнул его ногой под столом.

Джоби прекрасно знала, почему Томас заставил Риса замолчать. Они считали, будто двенадцатилетней девочке ничего не известно и нужно продолжать держать ее в неведении. Джоби же не собиралась рассказывать, что именно ей известно, а что — нет, полагая, что ее свобода и так в большой степени ограничена. Если кто-нибудь из окружавших ее многочисленных взрослых каким-то образом узнает, как много ей известно, то немедленно попытается выяснить, где же она набралась знаний о том, о чем ей знать не следует.

Глаза Джейми весело блеснули.

— Ну, наверное, не в изумрудах. Скорее всего она ложится спать в ночной сорочке.

— Шелковой, — мечтательно проговорила Джоби и подперла рукой щеку. — Из итальянского шелка или из французского?

Все за столом засмеялись, и Джоби поняла: аудитория у нее в руках. Может, она не привлекала к себе внимание заурядной внешностью, зато умела заставить людей смеяться.

Их ветвь клана Монтгомери не могла содержать шутов и кучу актеров, чтобы развлекать господ за обедом, более того, они никогда не наедались досыта во время этих обедов, однако Джоби делала все

возможное, чтобы как-то скрасить унылое существование.

Легко перепрыгнув через стол, она приземлилась на холодный каменный пол старого замка.

Нахмурившись, Джейми посмотрел на мать, сидевшую в противоположном конце зала. Она ела так мало, что все не раз задавались вопросом, как она до сих пор осталась жива. Даже шумной Джобби не удалось вырвать ее из вечного мира снов. Мать лишь повернула голову в сторону своей младшей дочери, и по ее ничегоне выражающему взгляду Джейми не смог понять, помнит ли она, кто эта девочка. Иногда она называла ее Эдвардом или Беренгарией, а иногда — Маргарет, настоящим именем Джобби.

Джейми перевел взгляд на младшую сестру, как всегда одетую пажом — в бриджи и кожаную куртку. Тысячи раз он говорил себе, что надо бы заставить ее одеваться, как положено девушке, хотя прекрасно знал, что не сделает этого. Скоро она вырастет и столкнется с изнанкой жизни — так пусть же побудет ребенком столько, сколько возможно.

— И как, по-вашему, она одевается каждый день? — громко спросила Джобби, обращаясь к своей аудитории, которая состояла из пяти человек, сидевших за столом, да нескольких слуг, потянувшихся в зал из кухонь. Но девочке нравилось представлять, будто она выступает перед сотнями зрителей и даже сама королева с восторгом наблюдает за ней.

Джобби принялась потягиваться и зевать, словно только что проснулась.

— Принесите мой золотой ночной горшок, — властно приказала она и была вознаграждена веселым смехом сестры.

«Раз Беренгария смеется, пусть малышка продолжит», — подумал Джейми.

Джоби довольно правдоподобно изобразила, как наследница задирает ночную сорочку и устраивается на горшке.

— О боже, как приятна боль от этих изумрудов, — простонала она, поерзав.

Джейми, шептавшийся о чем-то с Беренгарией, бросил на Джоби предостерегающий взгляд, говоривший о том, чтобы та не переходила границы.

Девочка выпрямилась.

— А теперь принесите мое платье. Нет! Нет! Не то. И не это, не это и не то. Нет, вы, идиоты! Сколько раз я вам повторяла, что уже надевала это! Я хочу новые туалеты. Только новые. Что? Это новое? Неужели вы думаете, что наследница Мейденхолла будет носить нечто подобное? Почему шелк такой тонкий, он... он помнется, когда я надену платье.

Рис засмеялся, а уголки губ Томаса, который вообще редко смеялся, приподнялись. Оба видели, как дамы при дворе наряжаются в жесткие, будто из дерева, платья.

— Вот, — объявила Джоби, разглядывая воображаемое платье, — это больше мне по вкусу. Эй вы, поднимите меня и всуньте в него.

Шутка оказалась настолько забавной, что Томас даже улыбнулся, обнажив белоснежные зубы. Джейми же хохотал во все горло.

Джоби показала зрителям, как наследница запрыгивает в жесткое платье и замирает в ожидании, когда ей застегнут крючки.

— Теперь украшения. — Девочка притворилась, будто копается в ларцах, выставленных в длинный ряд. — Да, вот изумруды, рубины и бриллианты, а вот жемчуг. Что же мне выбрать? — задумчиво промолвила она. — Выбрать? Зачем мне выбирать! Я надену все!

Широко расставив ноги, словно стояла на качающейся палубе, Джоби вытянула в стороны руки.

— Так, поддерживайте меня за плечи и обхватите за талию. А ты быстренько надевай драгоценности.

Все смеялись до слез, когда девочка принялась выставлять то руку, то ногу. Затем она вытянула шею так, будто ее тянула вверх веревка палача. Совершенно непостижимым образом ей удалось передать, как тяжеленные серьги мешают ей повернуть голову. Когда же ее волосы украсили воображаемой диадемой, она согнулась под весом всех драгоценностей.

Единственным зрителем, у которого представление не вызвало никакой реакции, была мать Джоби.

— А теперь отпускайте меня, — скомандовала девочка. Несколько мгновений она, подобно пьяному матросу во время шторма, раскачивалась, грозя рухнуть на пол, потом с видимым усилием выпрямилась и вскинула голову.

Зрители уgomонились и с нетерпением ждали продолжения.

— А теперь, — важно заявила она, — я встречусь с человеком, который должен сопровождать меня, богатейшую женщину во всей Англии. Я посмотрю, достоин ли он того, чтобы отвезти меня к тому, кого отец выбрал мне в мужа. Нет, подождите, сначала расскажите мне о нем.

Взгляды всех присутствующих обратились на Джейми, который смущенно опустил голову и прижал к груди руку Беренгарии. Он пробыл дома всего несколько дней и за это время понял, что не может находиться вдали от своей семьи.

— Джеймс Монтгомери, — громко сказала Джоби. — Ах да, я слышала об этой семье. Деньги есть, но мало. Но если сравнить со мной, то про всех можно говорить, что денег нет, не так ли? Что? Громче, я не слышу! Да, да, так лучше. Знаю, что я богата, но мне, как истинной женщине, приятно, когда об этом говорят вслух. — На мгновение она заду-

малась, залюбовавшись кистью левой руки. — Так о чем же я? Ах да. Об этом человеке, которого удостоили великой чести сопровождать меня. Он Монтгомери. Что ты там несешь? Он из бедной ветви клана Монтгомери? — Нежное личико Джоби озадаченно сморщилось. — Бедной? Кажется, я не знаю, что значит это слово. Пожалуйста, объясните мне. — Когда смех стих, она продолжала: — А-а, понятно. Это те, у кого только сто шелковых платьев и крохотные драгоценные камешки в украшениях. Что? Вообще нет драгоценностей? И шелков? Вы говорите, что у половины его дома нет крыши, а у него самого не всегда бывает мясо на столе?

Последние слова не вызвали смеха у Джейми, знавшего, что именно по этой причине он опустил до того, чтобы сопровождать какую-то избалованную наследницу через всю Англию к ее не менее богатому жениху. Однако ему не нравилось, когда об этом говорилось вслух.

Джоби не обратила внимания на недовольство брата.

— Раз у него нечего есть, значит, он должен быть очень... маленьким, — с наигранным изумлением воскликнула она, чем заставила Джейми хоть на минуту забыть о мучивших его проблемах.

Уж что-что, а маленьким его не назовешь.

— Неужели мне придется нести его в коробочке? — в ужасе вскинула руки девочка, не забыв при этом показать, что ей тяжело двигаться под весом драгоценностей. Она растопырила пальцы, будто воображаемые кольца мешали ей сдвинуть их. — В отделанной драгоценностями коробочке, естественно, — добавила она. — Это неплохая мысль: коробочка послужит мне еще одним украшением. Как! Коробка еще не готова? Ты уволен! И ты! И... Ах, он не маленький. Он большой, хотя ничего не ест. Не понимаю.

Наверное, будет лучше, если вы пришлете его ко мне и я взгляну на этого... этого... Что это было за слово? Да, бедный. И я взгляну на этого медного, нет, бедного человека.

Джоби изобразила, как наследница Мейденхолла, придавленная весом драгоценностей, неподвижно стоит и ждет появления Джеймса Монтгомери.

Сложив губы, девочка издала звук, похожий на скрип ржавых дверных петель.

— Утверждают, — обратилась она к зрителям, — что золотые петли скрипят еще громче. Поэтому мы отказались от них.

В следующее мгновение на лице девочки отразилось изумление. Затем она поднесла руки к лицу, словно пытаясь отгородиться от ослепительного света.

— Ты слишком прекрасен, — громким шепотом произнесла она.

Джейми покраснел, а Рис и Томас, уже уставшие смотреть на то, как женщины тают перед необычной красотой Монтгомери, от души рассмеялись.

— Ни одна драгоценность, — продолжала Джоби, стараясь перекричать шум, — не сравнится с тобой по красоте. О, ты должен принадлежать мне. Должен, должен! Вот! — Она притворилась, будто лихорадочно снимает с себя украшения — стаскивает браслеты с запястий и кольца с пальцев, срывает ожерелья и серьги — и бросает их к ногам Джейми. — Ты должен жениться на мне, — закричала Джоби. — Я не могу жить без тебя. Ты то, что я искала всю свою жизнь. Рядом с тобой меркнут изумруды, их блеск не сравнится с блеском твоих глаз. Твоя кожа нежнее жемчуга. Бриллианты...

Она вынуждена была замолчать, потому что Джейми выхватил из-под себя вытертую подушку и швырнул в нее.

Джоби поймала ее и прижала к груди.

— Это от моего прекрасного возлюбленного. Он... О небеса, он сидел на ней. Эта подушка касалась самой нежной части его тела. О, если бы мои губы могли коснуться того места, которого...

На этот раз Джоби вынуждена была замолчать, потому что Джейми, перегнувшись через стол, одной рукой зажал ей рот, а другой обхватил за талию. Она впиалась острыми зубками ему в палец, и, к ее удивлению, он выпустил ее.

— Быть в его объятиях, — громко продолжила девочка. — Я умираю от наслаждения, когда он обнимает меня.

— Ты умрешь, если не прекратишь, — предупредил Джейми. — Где ты научилась всему этому? Нет, не говори. Но если тебя не волнуя я, побереги нежные ушки своей сестры. Ты шокируешь ее.

Выглянув из-за широких плеч брата, Джоби увидела, что красавица сестра едва сдерживает смех. Их обеих вполне устраивало то, что все считали Беренгарию невинной, как ангел. Правда же заключалась в том, что Джоби ничего не скрывала от своей сестры и подробно рассказывала ей о своих эскападах.

— Уходите! — приказал Джейми всем, кто находился в зале. — Спектакль окончен. Вы достаточно посмеялись надо мной. Скажи мне, сестричка, как ты всех развлекала, когда меня здесь не было и ты не могла делать из меня посмешище?

Джоби, которая никогда не лезла за словом в карман, ответила:

— Наша жизнь была мрачной. Имея лишь отца и Эдварда... — Она замолчала и прижала руку ко рту.

На мгновение в старом уютном зале воцарилась тишина: все вдруг сразу вспомнили, что только два дня назад они присутствовали на двойных похоронах. Официально домочадцы находились в трауре по главе и старшему сыну этой ветви Монтгомери. Но Эд-

вард никогда не разделял с семьей ее простые радости, а отец практически отсутствовал, запершись в своей комнате на верхнем этаже башни. Трудно скорбеть по тем, кого редко видел, а в случае с Эдвардом — по тем, по ком никогда не скучал.

— Да, — спокойно проговорил Джейми. — Полагаю, настало время вспомнить, зачем мы собрались. — Обойдя стол, он взял Беренгарию за руку и вывел из зала. — Почему никто мне не сказал? — спросил он, когда они оказались в комнате Беренгарии.

Приблизившись к окну с обвалившимся подоконником, Джейми без особых усилий отломил кусок камня от стены. Вода. Несколько лет назад были проданы все свинцовые желоба, и с тех пор вода хлестала прямо в камень стен.

Джейми повернулся и посмотрел на сестру, сидевшую в кресле, место которому было в крестьянской хижине, а не в том, что некогда являлось великолепным замком.

Беренгария собралась было придумать какое-то оправдание, но неожиданно для себя сказала правду:

— Гордость. Та самая великая гордость Монтгомери, будь она проклята. — Замолчав, она улыбнулась. — Та самая гордость, которая сейчас вызывает спазм в твоем желудке и от которой твой лоб покрывается испариной. Скажи, ты вертишь в руках отцовский кинжал?

Джейми не сразу сообразил, что она имеет в виду, но потом заметил, что держит в руках красивый кинжал с позолоченной рукояткой, который отец подарил ему много лет назад. Давным-давно украшавшие его драгоценные камни были проданы и заменены на цветные стекляшки, однако позолота сохранилась и ярко блестела, когда на нее падали лучи солнца.

Он грустно усмехнулся:

— Я и забыл, насколько хорошо ты знаешь меня. — Он расположился на подушке у ее ног и, положив голову ей на колени, закрыл глаза. Беренгария нежно перебирала его волосы. — Никогда не встречал женщину, способную сравниться с тобой по красоте.

— Разве не глупо с твоей стороны говорить, что мы близнецы?

Он поцеловал ее руку.

— Я стар, уродлив и весь в шрамах, а ты не тронута временем.

— Не тронута, именно так, — пошутила Беренгария, намекая на свою девственность.

Но Джейми не улыбнулся. Он поднял руку и помахал ею перед лицом девушки.

— Бесполезно, — проговорила та и ухватила его за руку. — Я ничего не увижу, даже если зажечь лучину у меня перед глазами. Я слепа, а какому мужчине нужна слепая жена? От меня нет никакой пользы, лучше бы я умерла при рождении.

Стремительность, с которой Джейми вскочил на ноги, изумила ее.

— О, Джейми, прости меня. Я не хотела... Я просто не подумала. Пожалуйста, садись рядом. Дай мне дотронуться до тебя. Пожалуйста.

Джейми вновь опустился на подушку. Его сердце учащенно стучало, и причиной этому было чувство вины. Они с Беренгарией были близнецами, но Джейми оказался очень крупным ребенком, и ему потребовалось много времени, чтобы появиться на свет. Когда же настал черед Беренгарии, она появилась обмотанная пуповиной, и вскоре обнаружилось, что девочка слепа. Повитуха утверждала, что во всем виноват Джейми со своей медлительностью, поэтому он жил с чувством вины перед красавицей сестрой.

Он всегда старался быть рядом с ней. Ни разу терпение не изменило ему, никогда ее общество не утом-

ляло его. Он помогал ей во всем, учил лазать по деревьям и даже ездить верхом, вдвоем они прошли десятки миль по холмам.

Все считали Джейми чуть ли не святым, за исключением их брата Эдварда. Когда кто-то хвалил Джейми за то, что он отказывается от игры со своими сверстниками ради того, чтобы повести слепую сестру в лес за ягодами, Эдвард обычно говорил: «Он украл у нее зрение, верно? Так почему же ему не сделать все возможное, чтобы вернуть его ей?»

Джейми набрал в грудь побольше воздуха.

— Итак, никто не рассказал мне, что творил Эдвард, только из-за этой гордости, — заметил он, возвращаясь из воспоминаний в действительность.

Вина лежала на его сердце тяжелым грузом. Вина за то, что он так надолго оставил слепую сестру, вина за то, что произошло после его отъезда.

— Хватит тебе заниматься самобичеванием, — проговорила Беренгария.

Она слегка потянула Джейми за волосы, и он, подняв голову, посмотрел на нее. Трудно было поверить, что такие прекрасные голубые глаза с длинными пушистыми ресницами ничего не видят.

— Ой! — с улыбкой воскликнул он и, когда она отпустила его волосы, поднес ее руку к губам. — Я ничего не могу поделать с чувством вины. Оно постоянно мучает меня. Я знаю, что собой представляли отец и Эдвард.

— Да, — поморщилась Беренгария. — Отец носа не показывал из своей комнаты, а Эдвард оказался самой настоящей свиньей. Он был опасен для всех деревенских девочек старше десяти лет. Он умер молодым, потому что дьявол слишком сильно полюбил его и захотел, чтобы он всегда был рядом.

Джейми против воли рассмеялся:

— Я так скучал по тебе все эти месяцы.

— Годы, дорогой братец. Годы.

— Ну почему женщины помнят какие-то мелочи? Беренгария дернула его за ухо.

— Хватит говорить о твоих женщинах. Лучше расскажи мне о данном тебе поручении.

— Как же ты великодушна! Ты представила все так, будто мне предстоит отправиться на поиски Святого Грааля, а вовсе не сопровождать богатую наследницу по стране.

— Но так и есть, если дело касается тебя. Меня всегда удивляло, что вы с Эдвардом родные братья.

— Иногда я спрашивал себя: а кто же его отец, если учесть, что он родился через пять месяцев после свадьбы наших родителей, — цинично заметил Джейми.

Если бы эту мысль высказал кто-нибудь другой, Беренгария бросилась бы защищать свою дорогую мамушку, чей рассудок давным-давно помутился.

— Однажды я спросила маму об этом.

— И что же она ответила? — Джейми не скрывал своего изумления.

— Она взмахнула рукой и проговорила: «В то лето вокруг меня было так много красивых молодых людей, что я, боюсь, и не вспомню, кто именно из них».

Первой реакцией Джейми был гнев. Однако он сказал себе, что слишком хорошо знает свою мать, чтобы обижаться, и, успокоившись, улыбнулся:

— Если ее семья обнаружила, что она беременна, то для нее не было лучше мужа, чем отец. Я так и представляю себе, как его мать подходит к нему и говорит: «Сынок, отложи эту книжку. Настало время жениться».

— Ты думаешь, в свою брачную ночь он тоже читал? О, Джейми, неужели ты считаешь, что и мы?.. — Глаза Беренгарии расширились.

— Даже ученые время от времени отрываются от книг. Если бы ты могла взглянуть на нас и наших

двоюродных братьев и сестер. Ведь мы же похожи. А Джоби так вообще копия отца.

— Да, — согласилась Беренгария. — Значит, ты тоже над этим задумывался?

— Раз или два.

— Наверное, в те разы, когда Эдвард пихал тебя в кучу навоза? Или привязывал к ветке дерева и уходил? Или когда он ломал твои вещи?

— Или когда он обзывал тебя, — тихо произнес Джейми. Внезапно его глаза блеснули. — Или когда он пытался выдать тебя за Генри Оливера.

Беренгария застонала.

— Генри все еще продолжает упрашивать маму.

— У него все еще мозгов как у морковки?

— Скорее, как у редиски, — мрачно ответила Беренгария, которую охватывало отчаяние при мысли, что единственное предложение о замужестве она получила от такого человека, как Генри Оливер. — Пожалуйста, давай не будем об Эдварде и о том, как он проматывал те крохи, что у нас были. И больше ни слова о... об этом человеке! Расскажи мне о своей наследнице.

Джейми собрался было возразить, но промолчал. «Его» наследница имела прямое отношение к азартным играм, кутежам и вообще непотребному поведению его брата Эдварда. По мнению Джейми, такой негодяй просто не заслуживал того, чтобы называться братом. Пока Джейми сражался за королеву, подвергал опасности свою жизнь, Эдвард распродал все, чем владела семья, чтобы покупать лошадей (которые спустя короткое время ломали шеи и ноги из-за его небрежности), дорогую одежду (которую он терял или рвал). Деньги также были ему нужны для азартных игр (в которых он всегда проигрывал).

Пока Эдвард разорял семью, их отец постоянно сидел в своей комнате в башне и писал историю мира.